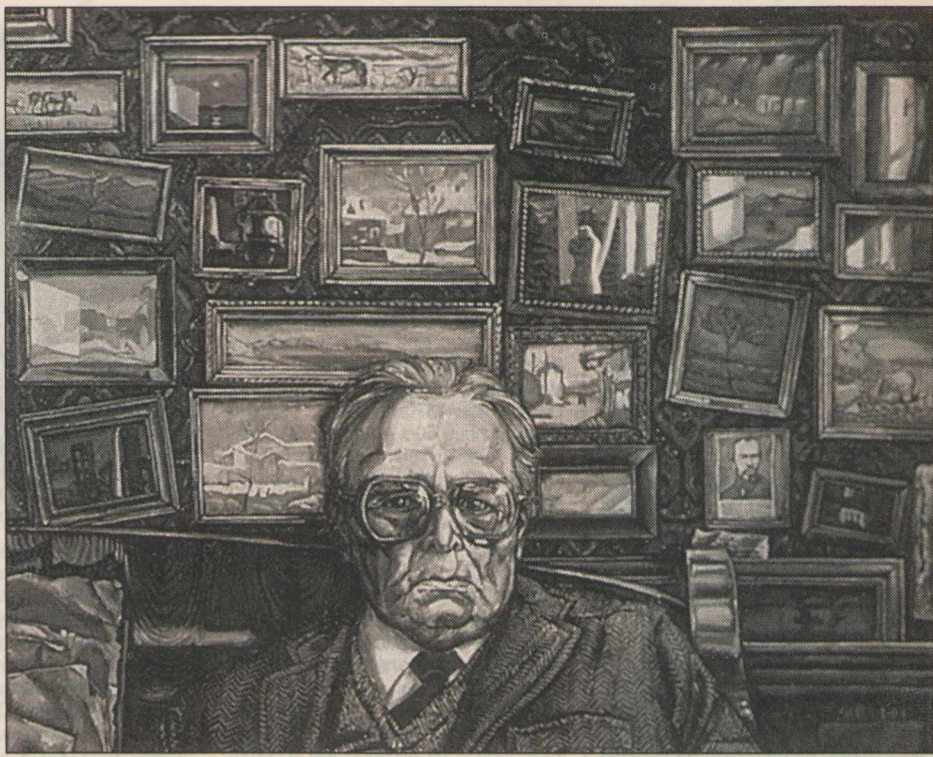

МИХАИЛ РОМАДИН:

Мой отец не называл себя реалистом

Константин Паустовский писал: "Ромадин — плоть от плоти этих живописцев из народа. Но он выбился, вышел на большую дорогу и силой своего таланта завоевал себе такого великодушного и сурового учителя, как Нестеров... Его полотна — поэма о России. У Ромадина есть много общего с Есениным". Алексей Толстой говорил о картинах Ромадина: "Качество". Николай Михайлович Ромадин в 1960 — 1970 годах был очень популярен. Он был кумиром молодежи, которая рвалась в нехоженые дали "за туманом и за запахом тайги". Олицетворением стремлений нескольких поколений современников стали его духовно-приподнятые, поэтически-взволнованные, таинственно-маяющие произведения — "Керженец", "Кудинское озеро", "Киржач", "Белая ночь", "Яренский лес"... В этом году мы отмечаем 100-летие со дня рождения народного художника СССР, действительного члена Академии художеств СССР, лауреата Ленинской и Государственной премий Николая Ромадина. И рассказывает об отце сын — народный художник России, лауреат Государственной премии России Михаил Николаевич РОМАДИН.

М.Н.Ромадин. "Портрет отца". 1985 г.

— Мой дед Михаил Андреевич Ромадин был машинистом, работал в депо. И писал маслом. Особенно море, которого никогда не видел. Тем не менее увлечение сына живописью не одобрял, считая, что быть художником для мужчины — несерьезное занятие. С большими трудностями моему отцу удалось уехать из Самары в Москву и в 1922 году поступить во Вхутемас.

Сохранилось несколько картин дед. Они экспонировались на выставке "Три поколения русских художников Ромадиных", которая с большим успехом прошла в 1997 году в Севилье, в Испании.

Моя мама вышла из совершенно другой среды. Ее отец Иерасим Шпилев был профессиональным революционером, вначале анархистом, потом — эсером. За участие в революции 1905 года был приговорен к смертной казни, которую заменили пожизненной каторгой. Был одним из организаторов Общества политкаторжан. В 1937 году был арестован и расстрелян. Никаких иллюзий по поводу Сталина или Ленина в нашей семье никогда не было.

— Константин Паустовский утверждает, что "великолепным и суровым учителем" Николая Ромадина стал Нестеров.

— Больше, пожалуй, в человеческом плане, чем в живописном. У них совершенно разная живопись. Но именно Михаил Васильевич посоветовал отцу заниматься пейзажем. Он считал, что жанр приведет к социально-политическому заказу, чем мой отец не хотел заниматься. И отец изрезал свои жанровые картины, о чем я очень жалею, — среди них были неплохие работы.

А познакомились Ромадин и Нестеров на выставке, Михаилу Васильевичу понравились работы отца. Эта встреча стала очень важной, так как Нестеров ввел отца в круг своих друзей. Среди них были Павел Корин, Иван Ефимов, Петр Кончаловский, Павел Флоренский, врач Владимир Филатов, философ Георгий Бостерм...

— Какие художники были близки творчеству вашего отца?

— Очень ценил Николая Крымова. Однажды с этюдами в охапку пришел к нему и обратился с просьбой научить его тону. Крымов внимательно осмотрел работы отца и сказал: "Я не смогу ничему научить вас. Тон вы знаете!" Они подружились.

По-особенному отец был расположен к художникам "Голубой розы" — Сарьяну, Павлу Кузнецову, Петрову-Водкину, Машкову, Осмеркину. Из старых мастеров обожал Александра Иванова, малых голландцев, Клода Лоррена, Ван Ига. Любил русскую иконопись. В его мастерской всегда висели иконы.

— Ваш отец хотел, чтобы вы стали художником?

— Очень хотел. Отцу нравились мои детские рисунки, и он их сохра-

нил. А Павел Дмитриевич Корин сказал, что у меня есть "глаз", и взял меня на обучение. Поступил же я во ВГИК, потому что считал его в творческом отношении наиболее свободным вузом. Очень любил кино. Как художник, я участвовал в создании многих фильмов. Например, "Солярис". Сейчас в основном занимаюсь живописью.

— Но ваше творчество резко отличается от живописи отца. Вы совершенно разные, чуть ли не диаметрально противоположные художники. Как отец относился к вашему поискам?

— Мои творческие отношения с отцом складывались из страшных скандалов и временных примирений. После окончания института я стал заниматься абстрактной живописью. У отца это вызвало приступы гнева. Он стал срывать мои холсты с мольберта и бросать их на пол. Я тут же собрал чемоданы и с молодой женой ушел из дома. Жили у друзей. А тогда нам было по 19 лет.

Со временем стиль моей живописи менялся, стал более фигуративным. И отец начал некоторые мои работы признавать. За год до его смерти, в 1987 году, я нарисовал большой диптих, изобразил мать и отца в интерьере, и ему понравилось. Последними словами его перед смертью были: "Ты — великий рисовальщик!". Но потом добавил: "А я — гениальный художник!"

Еще раньше, в начале шестидесятых годов, я писал так называемые "мистерии", картины, навеянные работами Босха и Брейгеля. За них также получил похвалу отца. Однажды, увидев мою композицию с лежащей Венерой, вулканом и парашютистом, он снял со стены свою старую работу "Серый день на Масловке" и подарил мне с такой надписью: "Фламандцу — от голландца. Ромадину — от Ромадина".

— Как давний поклонник искусства вашего отца, я всегда относился его к романтикам.

— Да, у него были романтические сюжеты. Отца часто считали реалистом, черпающим вдохновение от природы. Ничего подобного! Скорее, не только от природы, а еще из книг, музеев, молитвы. Он не терпел непосредственное изображение, говорил: "И корова видит зеленый луг!" "Мой отец выработал свой, "ромадинский", стиль, который я назвал бы мистическим пейзажем. Может быть, поэтому он никогда не называл себя реалистом. Тем более — соцреалистом — ведь это идеалистическое направление не имеет ничего общего с подлинным реализмом. С передвижниками, например.

Он часто в ветках леса рисовал фигуру молящегося старца, которую затем плотно записывал листвою — вроде бы чистый пейзаж, а дух присутствует! В этом, вероятно, сказывалось влияние Нестерова и Флоренского.

С ним часто происходили невероятные странности, объяснения которым я до сих пор не нахожу. Однажды отец рассказал мне такую историю: "Ты знаешь, у меня было видение. Я писал в то время "Керженец". Картина стояла на мольберте в мастерской. Прихожу я туда из дома, открываю дверь и вижу, — отец перешел на шепот. — На стуле перед мольбертом сидит человек и пишет мой "Керженец". Человек повернулся, посмотрел на меня и через мгновение растаял в воздухе. Это был Он.

— Кто? — спросил я.

— Нестеров! — шепотом ответил отец.

— Как ваш отец относился к авангарду?

— Он его не признавал. Я же, напротив, очень люблю русский авангард, использую его достижения в своем творчестве. Я назвал бы то, что я делаю, постреализмом. Истоки этого внешне реалистического искусства коренятся в абстракционизме. Я только перевожу его в некую реалистическую форму. В моих работах существуют как бы два уровня. Первый — это очень натуральные, очень известные, знакомые формы реального мира. Вот из них-то и создается новое абстрактное полотно, в котором нет главного и второстепенного. Здесь каждый сантиметр плоскости имеет одинаковое напряжение.

— Говорят, что характер у Николая Михайловича был, мягко говоря, непростым.

— Отец был очень тяжелым человеком, эгоцентристом, вокруг которого должен был крутиться весь остальной мир. С ним ужиться было очень нелегко. И обстановка в доме иногда складывалась невыносимая. Он был невероятно самовлюблен. Удивительная бывает несхожесть художника с его творениями. Глядя на пейзажи отца — прозрачные, изысканные по колориту, представляешь себе спокойного, уравновешенного человека. Здесь же полная противоположность! Колебания его настроений были крутыми и непредсказуемыми. Мог быть добрым, ласковым, внимательным — а через несколько минут неожиданно раздражаться гневом и грубостью. Был часто несправедлив. И все это уживалось в одном человеке! Он напоминал мне отца и братьев Карамазовых одновременно. Кстати, он любил Достоевского.

Он все глубже и глубже уходил от реальной жизни, от советской действительности в лесную чащу. Все современное — будь то линии высоковольтных передач или звуки радио — раздражало его, он начинал сердиться и топтать ногами. Предложение написать какой-либо советский сюжет, например, пионера с горном в лесу, вызывало у него гнев.

— Но тем не менее Николай Михайлович имел правительственные награды и звания, получал

чрезвычайно редкую для художника-пейзажиста Ленинскую премию.

— Да, и это он очень любил. Отец был невероятно честолюбив, тщеславен. Ему, конечно, льстило такое внимание к его творчеству. Почему-то его особенно любили в Японии. Там часто устраивали выставки его работ. Даже хотели создать Музей русского художника Ромадина, но помешала смерть отца.

— Несмотря на столь серьезные различия ваших художественных взглядов, вы получили что-либо от искусства отца?

— Разделение отцов и детей в нашей семье было очень резким. Притом — обоюдно нетерпимым. Правда, отец часто говорил мне: "Хочешь, я открою тебе великий секрет живописи?" Я же отмахивался: "Не сейчас, как-нибудь потом, в другой раз..." И уходил в свои дела, в свои увлечения. Но все-таки отец успел передать мне то, что он считал настоящей живописью, настоящей школой. Но я мог бы получить гораздо больше, о чем сейчас жалею. Жалею, что в свое время не задавал отцу множества вопросов о живописи, ответы на которые мог дать только он. Жалею о том, что мало расспрашивал о родных, близких, о друзьях, а ведь он был знаком со многими замечательными людьми — Алексеем Толстым и композитором Шапориным, Лемешевым и Козловским, Ириной Улановой и Ольгой Лепешинской, Святославом Рихтером...

Мы как-то забываем, что каждый настоящий художник — это звено в цепи, связывающей прошлое с будущим. Но, быть может, прошлое уже никому не интересно? Да, нет же! Интерес к прошедшему, если временно угасает, то непременно возникает в будущем. И примеров тому в нашей жизни множество. Поэтому к прошедшему, каким бы оно ни было, нужно относиться со вниманием.

— В издательстве "Белый город" вы выпустили книгу об отце. Там же готовите другую.

— Она будет называться "Записки пейзажиста" и выйдет в серии "Художник и его время". В ней будут лишь записки из дневника отца, письма к нему. Например, 8 писем Нестерова, прежде не публиковавшихся.

— Будет ли официально отмечаться юбилей Николая Ромадина?

— В конце года в залах Российской академии художеств на Пречистенке состоится большая выставка его работ. Они поступят из Третьяковской галереи, других музеев, частных коллекций, из нашего семейного собрания. В Третьяковской галерее предполагают провести вечер памяти отца.

Беседу вел
Евграф КОНЧИН

Кувшинура. — 2003-21-27 авг. — с. 8